

Секция «Политико-психологические особенности политических процессов в современной России и в мире»

Год после "Крокуса": травматизация памяти жителей Москвы и области – была или есть?

Научный руководитель – Смулькина Наталья Валентиновна

Чернопятова Софья Александровна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра социологии и психологии политики, Москва, Россия

E-mail: sofya.chernopyatova@yandex.ru

145 погибших и более 500 пострадавших[5] - трагедия в «Крокус Сити Холле» стала крупнейшей по числу жертв, причём не только за последнее время – за всю историю современной России. Большой шок, если сравнить поименные списки тех, кто не смог выжить в роковых событиях, вызывает только захват заложников в Бесланской школе. Стоит признать, что массовый расстрел зрителей на концерте группы «Пикник» стал самой громкой катастрофой последних лет – по крайней мере, среди аналогичных чрезвычайных событий.

Трагедию в «Крокусе» можно считать собственно трагедией по нескольким причинам. Во-первых, то, что происходило в развлекательном центре 22 марта 2024 года активно освещалось в СМИ (об этом – далее). Во-вторых, молодое поколение в возрасте от 18 лет, не могло застать иные громкие теракты, произошедшие в России. По крайней мере те, о которых чаще всего вспоминают респонденты в исследованиях, посвященных данной проблематике: Беслан, Норд-Ост, Будённовск и т.д. [в частности – речь идет о ранее проведенных автором исследований]. Более того, у той части группы молодого населения, которой ближе к 30, память о тех событиях весьма субъективна – вполне вероятно, что о этих трагедиях они узнали скорее из рассказов близких, нежели из телевизионных репортажей и статей в газетах.

Это может означать, что в скором времени в России будет наблюдаться пересмотр травмирующего опыта (срок вполне подходящий: по мнению исследователей, такой феномен происходит в массовом сознании раз в 20-25 лет)[1]. Означает ли это то, что трагедия, произошедшая в зале Муслима Магомаева стала травмой? Это предстояло выяснить.

Для проверки гипотезы, было принято решение провести эмпирическое исследование, представляющее глубинное интервью среди жителей столицы и области в возрасте от 18 до 31 года (n = 20). Эта категория лиц была выбрана по той причине, что она непосредственно столкнулись с теми событиями и их последствиями. Так, один из респондентов признался, что сам мог оказаться в том зале. И самое сильное его переживание, связанное с теми событиями, что он *«Мог оказаться на этом месте»* (муж, 26 лет). Одна из опрошенных вспоминала, как *«реально чувствовалось, что вся Москва ужаснулась. В метро крутили эти постеры со свечой, людей досматривали в разы усерднее. . . Чувствовала этот страх от всех окружающих»* (жен, 21 год).

Происходившее в ночь с 22 на 23 марта большинство респондентов склонны описывать как некий опыт, который они переживали лично. Особенно это касается опрошенных девушек. В четверти случаев последние признавались, что в тот период времени испытывали чувства, близкие к панике. Одна из респонденток отмечала, что плакала, когда увидела сообщения о количестве жертв. Другая - услышав за окном звук сирены, думала, что это машины скорой помощи отправляются на место трагедии (хотя от места событий она живет далеко).

Девушки также больше акцентируют на тех событиях, что происходили в последующие дни после теракта (сдача крови, постеры со свечами и пр.). В свою очередь, молодые люди больше были склонны отмечать, что делали непосредственно в момент, когда слышали о происходящем в «Крокусе». Кто-то отмечал, что играл в компьютер, другой – что следил за событиями в режиме реального времени. Постоянное обновление ленты новостей, так называемый «думскроллинг» (так его и называя) упоминала практически половина респондентов. По этой причине феномен «Крокус» также вызывает повышенный интерес: в отличие от других терактов, происходивших в стране, он очень широко освещался в интернет-медиа: опрошенные (за исключением одного) отметили, что узнали обо всем из сообщений в тг-каналах.

Еще один любопытный момент в данном эмпирическом исследовании, который достоин упоминания: несколько респондентов отметили, что в момент непосредственной трагедии были убеждены, что в «Крокусе» происходит большой пожар. Возгорание действительно было, но по мнению опрошенных оно являлось спонтанным. Этот факт можно было бы пропустить, но в ответе на вопрос *«Какие еще трагические события вы могли бы назвать?»* несколько раз были упомянуты события в ТРЦ «Зимняя вишня», что может указывать на два момента. Во-первых, пожар в Кемерово также может являться травмирующим событием для молодежи. Во-вторых, его упоминание позволяет доказать, что набор основных трагических эпизодов в массовом сознании постепенно меняется. На это указывает и то, что в ответе на всё тот же вопрос практически половина респондентов называла события максимум шестилетней-семилетней давности. Например, стрельба в Махачкале и Дербенте[2], «расстрел школьников в Керчи» (трагедия на самом деле произошла в колледже, но респондент почему-то упомянул в ответе другое учебное заведение)[3], захват заложников в СИЗО в Ростове[4] и т.д. Около 20 % сказали, что не могут привести аналогии – т.к. требований террористов не было. И только в оставшихся случаях называли Беслан, захват Будённовска, теракт 11 сентября, и, конечно же, схожую по своей сути трагедию на Дубровке (хотя, последнюю и достаточно редко).

При этом, согласно результатам анализа исследования, все респонденты однозначно уверены, что события в «Крокус Сити Холле» являются терактом. Но вот ответы опрошенных могут указывать на то, что в этом контексте представления весьма амбивалентные. Упоминались как *«Быстрое реагирование силовиков»*, так и то, что *«полиция медленно ехала»*. Если один из респондентов вспомнил про *«отрезанное ухо террориста»*, но не стал далее акцентировать свое внимание на этом эпизоде, то другой посчитал, что это показательный жест, которым группа захвата будто бы «кичилась». В целом, сложилось впечатление, что в молодежной группе превалирует стремление «найти виноватых» – а будь это захваченные террористы, экстремистские организации или кто другой – зависит от представлений конкретного респондента.

Каким же будет ответ на вопрос: «закрепилась травма в сознании российской молодежи»? Здесь стоит упомянуть реплику одной из респонденток. *«Как-то быстро обо всем этом забыли»* (жен. 28 лет). Вполне возможно. Упоминания в СМИ о трагедии постепенно стали появляться все реже, о памятных мероприятиях, на момент написания данных тезисов, говорить не представляется возможным. Но, очевидно, нельзя отрицать того факта, что старые травмирующие события постепенно теряют свое значение для молодежи. Вполне вероятно, им придут на смену другие – та же «Зимняя вишня», тот же «Крокус» и другие эпизоды последних лет. А это означает, что исследование надо продолжать.

Источники и литература

- 1) Айерман Р. // Культурная травма и коллективная память (пер. с англ. Николая Поселягина) URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/5/kulturnaya-travma->

i-kollektivnaya-pamyat.html (дата обращения: 01.03.2025).

- 2) «Дети чиновников становятся террористами» Кто стоит за нападениями на полицейских и убийством священника в Дагестане? // Lenta.ru URL: <https://lenta.ru/articles/2024/06/24/dagestan/> (дата обращения: 01.03.2025).
- 3) «Мы бежали, а пацаны падали вокруг нас»: студенты керченского колледжа рассказали, как им удалось выжить во время расстрела // KP.ru URL: <https://www.kp.ru/daily/26896.4/3940564/> (дата обращения: 01.03.2025).
- 4) Почему террористам удалось захватить заложников в СИЗО // Lenta.ru URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/06/16/19250605.shtml> (дата обращения: 01.03.2025).
- 5) Число погибших детей при теракте в «Крокусе» выросло до шести // РБК URL: <https://www.rbc.ru/society/03/04/2024/660d02c39a79474459fe7bd8> (дата обращения: 01.03.2025).